

ИЗУЧЕНИЕ НИЗОВЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ, МЕТОДОЛОГИЯ

А.С. Мищенко

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.20>

Аннотация. *Анализируется история изучения низовых экологических движений за рубежом. Актуальность изучения опыта зарубежных исследований таких движений для российской науки заключается в том, что в настоящее время в России обострилась экологическая ситуация, вызванная тем, что в стране сформировалась группа интересов, готовая извлекать прибыль в ущерб сохранению окружающей среды. Страны Западной Европы, США и Япония в начале 1960-х годов также переживали острый экологический кризис. Выход из этого кризиса стал возможен благодаря широкому развитию экологического движения, прежде всего на низовом уровне. Делается попытка анализа истории изучения низовых экологических движений в развитых странах. Рассматриваются различные теоретические подходы к изучению таких движений. Описываются характеристики и особенности движений, выявленные различными зарубежными исследователями в процессе их изучения. Проводятся параллели между сформировавшимися за рубежом типами низовых экологических движений и движениями, возникающими в России.*

Ключевые слова: *низовые общественные инициативы, общественные движения, экологическое движение, низовые экологические движения, экологические проблемы, экологические риски, экологическая политика, мобилизация ресурсов, политические возможности, репертуар коллективных действий, теории общественных движений, пространственно-фреймовый анализ, экологические права, экологический дискурс, социальная сеть экологических движений.*

Как предсказывали многие авторы, в России в последнее время обострилась экологическая ситуация [Прокопенко 2015; Тагаева, Гильмундинов, Казанцева 2016; Усов 2017]. В то же время многие

экологические организации, зарегистрированные как некоммерческие (НКО), в соответствии с принятым законом «Об иностранных агентах» получают статус «иностранный агент», что практически делает невозможным продолжение их природоохранной деятельности [Тулаева, Тысячнюк, Хенри 2017; Давыдова, Каминская 2017].

Однако отмечается также рост низовой общественной активности, в том числе экологической направленности, связанной с решением локальных экологических проблем, в первую очередь в крупных городах. По мнению некоторых авторов, в Москве происходит не просто активизация местных сообществ и их быстрая самоорганизация, но и возникают цепочки решения отдельных прагматических вопросов» [Волков, Колесников 2016]. Валентин Дьяконов отмечает, что рост низовой общественной активности начался в 2011 г. после массовых протестов против фальсификации выборов: «В противовес разочарованиям, принесенным массовой попыткой утвердить себя в качестве политической силы, либерально настроенные граждане начали усиленно заниматься общественной сферой. <...> В каком-то смысле они совершили путь, обратный схеме происхождения государства по Аристотелю и спустились от общества, формирующего государство, на нижние этажи — город, двор, семью» [Дьяконов 2017].

В связи с этим актуальным становится изучение низовых общественных инициатив в России, в частности экологической направленности. В то же время отечественный опыт изучения таких движений явно недостаточен. Поэтому возникает потребность осмысления зарубежного опыта изучения низовых экологических движений и оценки возможностей его использования в России. В статье автор делает такую попытку.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ НИЗОВЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Появление низовых экологических движений связано с возникновением в 1960-х годах новых общественных движений, связанных с инициативой принятия решений снизу вверх, а не сверху вниз и организацией действий на местном уровне [Gove 1961]. Эти

движения привлекли внимание таких исследователей, как М. Кастьелс [Castells 1978; 1983], А. Мелуччи [Melucci 1980; 1984; 1985; 1994], А. Турен [Touraine 1988], П. Экинс [Ekins 1992]. В конечном итоге, это привело к появлению парадигмы «новых общественных движений» [Казенин, Королева 2018].

Первоначально экологическое движение возникло как движение за сохранение природной среды и было ответом на хищническую эксплуатацию природных ресурсов. Наиболее характерно это было для США [Dunlap, Mertig 1992]. Были созданы крупные природоохранные организации как на государственном, так и на международном уровне, такие как Сьерра-клуб, Национальное Одюбовновское общество и Общество охраны дикой природы в США; Королевское общество охраны птиц, Общество защиты Озерного края в Великобритании; Всемирный фонд дикой природы, Международный союз охраны природы и природных ресурсов, Всемирная федерации защиты животных и др.

Возникновение низовых экологических движений совпало с появлением других новых общественных движений в 1960-х годах. Исследователи отмечали следующие причины этого:

— усилилось загрязнение непосредственной среды обитания людей в городах, связанное с развитием промышленности и применением химикатов в сельском хозяйстве, что стало отражаться на здоровье значительных групп населения [Hays 1987];

— 1960-е годы породили новую политическую культуру, которая поощряла людей, особенно молодежь, предпринимать непосредственные действия для решения общественных проблем [Dunlap, Gale 1972];

— быстрый рост научных знаний об экологических проблемах и их распространение средствами массовой информации;

— увеличение числа горожан, отдыхающих на природе, которые напрямую сталкивались с разрушением естественной природной среды;

— экономический бум после Второй мировой войны, увеличивший в обществе средний класс, который решил свои материальные проблемы и стал предъявлять повышенные требования к качеству жизни [Dunlap, Mertig 1992];

— уже существовавшие экологические движения стали получать существенную поддержку со стороны благотворительных фондов, что позволило им поддерживать низовые экологические движения [Mitchell 1989].

В это время в американской социологии, изучавшей общественные движения, использовалась модель «естественной истории» возникновения и развития социального движения, предложенная А.Л. Моссом. Он считал, что общественные движения возникают вокруг осознаваемой людьми социальной проблемы. Сторонники решения проблемы объединяются в одну или несколько организаций, которые пытаются мобилизовать других для работы над улучшением проблемных условий (например, деградация окружающей среды, расизм, сексизм и т.д.). Эти организации должны получать поддержку средств массовой информации, общественности, потенциальных источников финансирования и в конечном счете политиков. Некоторые из таких «социально-проблемных движений» успешно мобилизуют достаточную поддержку для организации общественных действий, направленных на решение проблемы. Решения, как правило, принимают форму новых правительственных постановлений и учреждений, которые означают институционализацию движения. В процессе достижения такого успеха движение, как правило, теряет импульс: его организации превращаются в формализованные группы интересов, активисты — в чиновников, многие из его лидеров кооптируются правительством, чтобы работать в госорганах, призванных решать данную проблему, или просто устают от борьбы, и поддержка сокращается по мере того, как средства массовой информации обращаются к новым проблемам, и общественность предполагает, что государственные органы заботятся об улучшении проблемных условий. Усилия, направленные на оживление движения, недопущения застоя и кооптации во власть, могут привести к жестокой борьбе внутри движения и его расколу, при этом «жесткие активисты» откажутся от тех, кого кооптирует правительство или соблазняют работой «внутри системы». Эти тенденции могут привести к прекращению движения, и оно исчезает практически без какого-либо улучшения проблемных условий, которые его породили

[Mauss 1975]. Модель Мосса близка к появившейся позже модели «мобилизации ресурсов», с которой он во многом согласился [Mauss 1989].

Модель «мобилизации ресурсов» для изучения экологических движений использовал Р.П. Гейл [Gale 1986]. Он обратил внимание на то, что экологическое движение, вопреки прогнозам приведенных выше моделей, в целом выстояло и достигло устойчивости в 1980-е годы. Одной из причин этого явилось противостояние движения антиэкологической политике администрации Р. Рейгана. В ходе этой борьбы экологическое движение не только избежало гибели, но испытало серьезную активизацию, увеличивая членство, создавая новые организации (особенно на местном уровне) и получило поддержку со стороны общественности и политиков. Это говорит о том, что усилия правительства по откровенному подавлению или «деинституционализации» хорошо укоренившегося движения (в отличие от использования более тонких методов «захвата и кооптации»), могут иметь обратный эффект. Угрожая с трудом завоеванному «группой интересов» статусу экологов, администрация Рейгана возродила активность экологического движения [Gale 1986].

Р.С. Митчелл [Mitchell 1989] считал, что укреплению экологического движения в США в 1980-е годы способствовали и следующие причины:

— экологические проблемы стали более заметны и угрожали всем слоям населения, независимо от их социального статуса, что способствовало широкому отклику на призыв к охране окружающей среды;

— появились новые экологические проблемы, зачастую более масштабные (например, кислотные дожди) и более зловещие (например, истощение озонового слоя), чем старые проблемы (загрязнение воды, воздуха и т.д.);

— растущее общественное признание факта постоянного ухудшения состояния окружающей среды в результате институционализации экологической науки в правительстве, академических кругах, и особенно самих экологических организаций, также стимулируемое вниманием средств массовой информации;

— экологические знания были институционализированы не только в рамках движения как такового, но и во многих правительственных учреждениях, научных ассоциациях, учебных заведениях и даже в церкви.

По мнению Дэвида Оутса [Oates 1989], такие тенденции позволяли говорить о том, что экологическое сознание вошло в систему американских ценностей.

Еще одной тенденцией экологического движения в США стало увеличение его разнообразия. С одной стороны, сформировалось «национальное экологическое лобби», которое было представлено крупными экологическими движениями. Предметом социологического изучения становятся проблемы этих организаций, связанные с привлечением новых и удержанием старых членов, организационной структурой, стратегий их действий (лоббирование, судебные процессы, организация исследований, участие в избирательных кампаниях) [Mitchell, Mertig, Dunlap 1991].

С другой стороны, появилось радикальное крыло экологического движения, обеспокоенного прежде всего сохранением дикой природы, представленное такими известными сегодня организациями, как Greenpeace, Earth First! («Земля прежде всего!»), Sea Shepherd Conservation Society (SSCS; «Общество охраны морской фауны») и др. [Manes 1990].

Фундаментальным же изменением в области охраны окружающей среды стало быстрое увеличение числа и известности местных низовых организаций. Это были слабо скоординированные группы добровольцев, которые, как правило, создавались как реакция на местные экологические угрозы, представляющие опасность для здоровья человека. Такие группы появились в ответ на широкий спектр проблем: токсичные отходы, существующие или предлагаемые свалки, мусоросжигательные заводы и т.д. Они стали известны как движения «не на моем заднем дворе» (NIMBY) и были направлены прежде всего, как правило, на противодействие ухудшению окружающей среды на территориях, примыкающих к местам проживания [Freudenberg, Steinsapir 1991].

Анализируя все эти тенденции, Райли Данлоп приходит к выводу, что в 1970–1980-е годы экологическое движение в США зна-

чительно укрепилось за счет привлечения в свои ряды представителей широких социальных слоев (представителей рабочего класса, меньшинств и женщин), решения широкого круга экологических проблем (от локальных опасностей для здоровья людей до среды обитания диких животных и глобальной защиты экосистем), применения в борьбе большого диапазона тактик. Возросшее разнообразие в движении, по его мнению, привело к его большей устойчивости в целом, предоставляя ему больше ресурсов и участников [Dunlap, Mertig 1992].

Представляется, что необходимо дать определение понятию *низовые экологические движения*, являющемуся производным от понятия *низовые общественные движения*. *Низовые общественные движения* (grassroots movement) — это организации, которые привлекают людей в определенном районе, регионе или общине в качестве основы для политического или экономического движения. Низовые организации используют коллективные действия на местном уровне для осуществления изменений на местном, региональном, национальном или международном уровне. Низовые движения связаны с принятием решений снизу вверх, а не сверху вниз [Gove 1961].

И.А. Халий дает следующее определение *локальным экологическим* движениям — это местные экологические гражданские инициативы, группы и организации, созданные для разрешения конкретных экологических проблем локальных сообществ — от жителей микрорайонов крупных городов до райцентров, малых городов и других поселений [Халий 2000]. Существует и определение *низовых гражданских инициатив* — это неформальные объединения граждан, которые создаются для ненасильственной борьбы с конкретными недостатками общества. Такого рода объединения отличаются друг от друга разной степенью организованности, устойчивости, успешности их деятельности [Краснова 2010]. Н.Н. Ягодка считает, что понятие «гражданская инициатива» можно рассматривать в широком и узком смыслах. «В широком смысле под гражданской инициативой следует понимать любую инициативу гражданина или группы граждан конкретного государства, направленную на решение вопросов в политической, со-

циальной, экономической, экологической, бытовой и иных сферах жизни общества... В узком смысле гражданская инициатива — это конкретная индивидуальная или общественная форма волеизъявления граждан, имеющая отличительные характеристики (название, программа, органы управления и др.) и акцентирующая внимание на решении определенной проблемы (примеры, гражданская инициатива “Движение в защиту Химкинского леса”, “Лига избирателей”, “Гражданская инициатива ‘Моя Москва’”, гражданские инициативы в защиту экологии Москвы и др.)» [Ягодка 2015].

Представляется, что приведенные определения в целом описывают состав и сферу деятельности *низовых экологических движений*.

В целом можно констатировать, что основные причины возникновения низовых экологических движений следующие:

- появление новой политической культуры «низовых непосредственных действий» для решения общественных проблем;
- ухудшение среды обитания в городах, связанное с развитием промышленности и увеличением применения химикатов;
- рост в развитых странах среднего класса, предъявляющего повышенные требования к качеству окружающей среды.

Одной из особенностей экологического движения в целом и низовых экологических инициатив в частности являлось то, что в ответ на антиэкологическую политику властей оно получало новый импульс развития и большую поддержку в обществе.

Устойчивости экологического движения способствовало осознание постоянного ухудшения состояния окружающей среды, широкое распространение экологических знаний. Это в конечном итоге привело в развитых странах к появлению у общества экологического сознания, ставшего частью общественного сознания.

Увеличение количества экологических проблем на разных уровнях способствовало увеличению числа и разнообразия организаций и направлений экологического движения, в том числе и на низовом, местном уровне. Это в свою очередь привело к большей устойчивости движения в целом.

Во всем этом и видятся основные отличия экологических движений от других социальных движений, которые часто исчезают

вместе с решением породивших их проблем. Проблема же ухудшения окружающей среды и, в целом, взаимоотношения общества и природы, остается нерешенной и перспективы ее решения пока не просматриваются.

* * *

Более пристальное внимание исследователей низовые экологические движения привлекли к себе только в 1990-х годах. Они отмечали, что увеличение количества таких движений и расширение их географии было вызвано по крайней мере несколькими причинами. Томас Гомер-Диксон, Джеффри Баутвелл, Джордж Ратъенс считали, что появление таких движений вызвано конфликтами на местном уровне по поводу использования природных ресурсов на фоне ухудшения состояния окружающей среды [Homer-Dixon, Boutwell, Rathjens 1993]. Ронни Липшаттс и Кен Конка, видели причину появления низовых экозащитных движений в неспособности национальных государств решить проблемы ухудшения состояния окружающей среды [Lipschutz, Conca 1993].

Брон Тейлор [Taylor 1995] называет такие движения «народным экологическим сопротивлением» и приводит в качестве примеров «Экологическую справедливость», «Назад к Земле». Он также выделяет основные направления исследований низовых экологических движений.

Первое направление использует методологию «Grounded theory» [Glaser, Strauss 1967] — это описательные исследования, изучающие состав участников движения, описание экологической проблемы, представления участников движения о причинах их бедствий и путях выхода из ситуации.

Второе направление использует теории изучения общественных движений для исследования динамического взаимодействия макроструктурных, организационных и культурных факторов в возникновении, развитии и деятельности движений экологического сопротивления. Анализ на макроуровне рассматривает изменения в структуре экономических и политических отношений местных сообществ и последствия вторжения государственной власти и корпораций в прежде частные сферы жизни. Изучаются также

структуры повседневной жизни, культуры, формы организации и структура протестов, как традиции местных сообществ влияют на возникновение, деятельность и практики общественных движений. Также изучается, какие факторы влияют на используемые движениями тактики и нарративы, которые они производят. Это направление чаще всего использует парадигмы «мобилизации ресурсов» [McAdam, McCarthy, Zald 1988, Morris, McClurg Mueller 1992] и «новых общественных движений» [Offe 1985, Melucci 1989].

Низовые экологические движения на протяжении 1990-х и 2000-х годов устойчиво развивались, охватывая все страны и континенты. Одним из наиболее успешных низовых движений явилось «Движение за экологическую справедливость» (EJM). Принятие во многих странах законодательства по охране окружающей среды позволило добиться значительных успехов в защите природы и здоровья человека, но оказалось, что в первую очередь выиграли представители среднего класса, а в США это были белые представители среднего класса. Экологическая дискриминация становится возможной постольку, поскольку жители бедных общин имеют меньше возможностей для того, чтобы воспользоваться правами на благоприятную окружающую среду. Они проживают, как правило, в районах с менее благоприятной экологической обстановкой и в силу своей бедности не могут сменить место проживания на более благоприятное. Кроме того, районы их проживания получают меньше инвестиций для улучшения окружающей среды. Парадигма экологической справедливости призывала к расширению прав на благоприятную окружающую среду для всех социальных групп общества [Taylor 2000].

Для определения экологической справедливости с точки зрения сообщества Дэвид Шлосберг предложил три компонента, обеспечивающего экологическую справедливость: справедливость в распределении экологических рисков; признание разнообразия сообществ, затронутых экологическим риском, и их опыта борьбы с ним; и участие в политических процессах, которые управляют экологической политикой [Schlosberg 2004]. Отмечается, что движение за горизонтальное расширение экологических прав для местных общин оказалось более эффективным путем для защиты окружающей среды.

Наиболее значимой особенностью и вкладом ЕJM стало утверждение прочной связи между социальной справедливостью и природой. Была установлена двусторонняя взаимосвязь: защита окружающей среды — это деятельность по достижению социальной справедливости, потому что бедные сообщества сильнее всего страдали от загрязнения их среды обитания; содействие социальной справедливости помогает окружающей среде, потому что социальная, экономическая и энергетическая дискриминация таких сообществ показывает слабые места в обеспечении защиты окружающей среды [Čapek 1993].

Исследователи отмечали особенности движений за экологическую справедливость, которые затрудняли их изучение. Эти движения являлись гораздо более «локальными», чем вызовы на уровне политики, и эта локальность порождала новые и различные для различных мест характеристики их активизма.

Во-первых, потому, что подобные сообщества сталкиваются с многочисленными видами дискриминации: социальной, по занятости, инвестициям, в сфере жилищного строительства, образования и т.д. И экологическая справедливость является лишь одной из тем в повестке дня их борьбы за справедливость [Schlosberg 1999]. В реальной жизни дискриминируемых сообществ несправедливость в отношении окружающей среды не отделяется абстрактно от других областей дискриминации. Чаще всего люди в таких сообществах проживают, работают, учатся и проводят досуг в пространственных границах своей общины. Этот целостный опыт и многоплановая активность затрудняют изучение их усилий по изменению экологической ситуации, поскольку они переплетаются с другими целями и действиями.

Во-вторых, хотя существует множество возможных оснований для неравенства доступа к власти — раса, класс или этническая принадлежность, они являются теми характеристиками, которые, скорее всего, будут весьма однородными на уровне сообщества, где возникает экологическая угроза и сопротивление ей.

В-третьих, существуют сложные отношения между экологическим активизмом на местном и национальном уровнях политики. Локальность таких движений также можно рассматривать как

ограничение, потому что местные победы не меняют экологическую политику; местные движения борются за справедливое правоприменение экологического законодательства, а не за его реформирование [Cable, Benson 1993].

Отмечается также сложная двусторонняя связь между местным и национальным уровнями экологической активности: обнаруживаются закономерности в жалобах местных групп, связанных с их дискриминацией, в то время как национальные экологические движения обучают местные группы борьбе за экологическую справедливость [Сарек 1993].

Становится очевидным и некоторое разделение труда между различными уровнями экологического движения, например прямые действия на местном уровне и судебные тяжбы на уровне национальных организаций [Taylor 2000].

В ходе продолжения исследований все в большей мере отмечалось возрастание значения экологических движений локального масштаба. Отмечалось, что местный экологический активизм являлся повсеместным и рос даже в те времена, когда экологические проблемы не занимали первые места в национальной повестке дня различных стран [Rootes 2007]. Исследования свидетельствовали о резком увеличении числа местных групп экологических движений. Возникал вопрос о том, что способствует локализации экологического активизма. На этот вопрос различными исследователями давались следующие объяснения.

Во-первых, логика экологической политики последних десятилетий заключалась в локализации. Это объяснялось двумя основными причинами. С одной стороны, после значительных политических побед нового/реформаторского экологического движения реализация экологических реформ стала самым сложным этапом разработки экологической политики. Кристорфер Рутс указывал, что осуществление экологической политики обязательно локально; местный уровень — это то место, где проведение политики встречается с препятствиями местных обстоятельств [Rootes 2007]. С другой стороны, в экологической политике и активизме наблюдалась устойчивая тенденция к признанию и привлечению новых групп и сообществ. В местных экологических движениях стали

участвовать ранее маргинализированные сообщества. Это расширение сопровождалось все более дифференцированным взглядом на человека и природу: от человека отдельного от природы к человеку в окружающей среде и, наконец, к осознанию того, что люди не равны в отношении условий их окружающей среды. Поэтому местные общины стали важными субъектами и контекстами экологической политики.

Во-вторых, на протяжении 1990–2000-х годов ведущей экономической политикой многих стран стал неолиберальный капитализм, политической и экономической логикой которого являлось возрастание значения масштаба местного развития. Капитализм всегда приводил к неравномерному географическому развитию на всех его этапах, так как одни места были привилегированны по сравнению с другими как места накопления капитала. В неолиберальном управлении местные общины несут все большую ответственность за местное развитие и услуги как в отношении принятия решений, так и в отношении предоставления ресурсов. Они становятся основной экономической единицей, где происходит политическая борьба и социально-экономическое производство [Brenner, Theodore 2002]. В результате усиливается конкуренция между населенными пунктами в постоянной борьбе за то, чтобы быть ядром, а не периферией, и за само определение этих позиций. Неравномерное распределение выгод и рисков между населенными пунктами напрямую связано с окружающей средой: одни населенные пункты отказываются от развития, другие накапливают или эксплуатируют ценные ресурсы, третьи превращают окружающую среду в объект продажи качества жизни для желательных жителей.

В-третьих, с социологической точки зрения наблюдалась тенденция к смещению политики в более частные контексты, от национального к общинному и индивидуальному масштабам. В постиндустриальном обществе протест становится децентрализованным, экспрессивным и основанным на идентичности [Buechler 1995].

Таким образом, можно сделать вывод, что «движение за экологическую справедливость» стало наиболее успешным среди других низовых экологических движений. Добиваясь расширения эколо-

гических прав, оно оказалось наиболее эффективным для защиты окружающей среды на местном уровне.

Была также установлена взаимосвязь между защитой окружающей среды и достижением социальной справедливости, поскольку бедные сообщества сильнее всего страдали от загрязнения их среды обитания. Устранение социальной несправедливости помогает и улучшению состояния окружающей среды, поскольку дискриминация бедных сообществ показывает слабые места в обеспечении защиты окружающей среды в целом.

Были также выявлены особенности «движения за экологическую справедливость», которые необходимо учитывать при его изучении. В том числе то, что экологическая дискриминация воспринимается членами маргинальных сообществ как часть общей дискриминации, и борьба за экологическую справедливость является лишь одной из тем в их борьбе за социальную справедливость.

Выявилась также сложная связь между местными и национальными уровнями экологической активности: прямые действия по улучшению окружающей среды на местном уровне и судебные процессы на уровне национальных организаций. Кроме того, национальные экологические движения обучают местные способам борьбы за экологическую справедливость.

Отмечалась также тенденция к локализации экологических движений. Это было связано с тем, что реализация экологической политики часто сталкивалась с препятствиями местных обстоятельств. Кроме того, господство на протяжении 1990–2000-х годов неолиберальной экономической политики привело к усилению территориального неравенства, а также к повышению ответственности местных общин, в том числе и за состояние окружающей среды.

* * *

В процессе исследования низовых экологических движений у исследователей возникло три группы вопросов:

1. Как окружающая среда становится темой для общественной активности? Какой экологический дискурс становится доминирующим в сообществе и каким образом?

2. Как происходит консолидация сообщества вокруг экологической проблемы и ее конкретными проявлениями?

3. Какова связь между местными экологическими движениями и движениями более высокого уровня (региональными, национальными, глобальными)?

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ НИЗОВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА И МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

В рамках ответа на вопросы о возникновении местного экологического активизма исследования традиционно ориентировались на такие темы, как:

— механизмы вовлечения в участие в местных экологических организациях [Kitts 1999],

— организационные характеристики местных организаций — их структурные особенности [Andrews, Edwards 2005],

— выбор тактики и репертуара коллективных действий [Sherman 2008],

— механизмы и формы формирования местных экологических коалиций [Mix 2011],

— использование движениями политических возможностей и зависимость от них результатов, которые они получают в ходе борьбы [Almeida, Stearns 1998],

— возможности и условия привлечения движениями средств массовой информации для формирования общественного мнения [Andrews, Caren 2010],

— влияние наличия организаций движения «За гражданские права» на количество создаваемых низовых экологических организаций [Stretesky, Huss, Lynch, Zahran, Childs 2011].

Эти исследования в основном были описательными и в большинстве случаев сосредоточены на организационном и надорганизационном уровне активности, который оставляет нетронутыми важные аспекты местной активности на низовом уровне.

В 1990-е годы для изучения экологической протестной активности все чаще стала применяться теория новых социальных дви-

жений, которую часто считают парадигмой [Buechler 1995]. Местная экологическая активность на низовом уровне изучалась при помощи этой теории, потому что местная политика часто основана на защите идентичности данного места, а также погружена в повседневную жизнь жителей и межличностные связи внутри места проживания, она реагирует на вторжение внешних государственных или корпоративных сил и является частной, часто обращенной внутрь к самоопределению своего образа жизни.

Одной из особенностей местных экологических движений можно считать то, что они находятся в сложной ситуации, когда их претензии выдвигаются против «научных» знаний [Rootes 2013]. Интерпретация технологии на ее соответствие местной среде становится важной задачей местного экологического активизма. Преимущество сообщества возникает из местных знаний. Местные знания основаны на повседневной жизни и социальном взаимодействии в регионе [Devine-Wright 2009]. Эти знания из первых рук дают местным жителям полномочия и легитимность оспаривать экспертные знания и могут рассматриваться как дополнение к научным данным и, таким образом, влиять на местные усилия в области охраны окружающей среды. Это сильно отличает их от подхода национальных природоохранных организаций, которые основывают свои претензии на научных и универсальных знаниях, чтобы влиять на разработку политики, и часто избегают взаимодействия с местными защитниками природы, чтобы защитить свой авторитет [Rootes 2007].

Несмотря на принятие новых законов, расширяющих возможности местных сообществ требовать от правительств и корпораций соблюдения их интересов, есть причины, по которым реальная власть остается важной, помимо прав в формальном смысле. Во-первых, государство отдает предпочтение росту и накоплению капитала [Cable, Benson 1993], поэтому регулирование той или иной отрасли бизнеса имеет крен в его пользу. Это часто называется «регулятивным захватом», когда корпорации могут сознательно рисковать, загрязнять среду и платить штрафы, не подвергаясь уголовному преследованию. Часто для использования «грязной» технологии корпорации выбирают такие местные сообщества, ко-

торые не обладают достаточной силой и властью, чтобы им сопротивляться. Таким образом, неформальная власть сообщества становится решающей в процессе принятия решений, связанных с ухудшением состояния окружающей среды.

Еще одним аспектом, повышающим уязвимость местных обществ, является положение, когда они находятся в ситуации компромисса между отсутствием экологических рисков и возможностями для экономического развития. В этой ситуации сообщество может выбрать один «товар» в ущерб другому (занятость против здоровья), по принципу «заработная плата важнее здоровья». Таким образом, бедность как показатель отсутствия активов, контролируемых на местах, приводит к разрушению окружающей среды [Saitta 2012].

Кроме того, вопросы бессилия и уязвимости касаются не только взаимоотношений между общественными активистами и силами, угрожающими окружающей среде. Неравенство власти существует и в рамках экологических движений, в сообществах и среди активистов. Местная низовая группа часто оказывается в маргинальном положении в сети активистских сообществ, и главным определяющим фактором для этого является мобильность, в свою очередь определяемая материальными и культурными ресурсами. Такое маргинальное положение означает отсутствие права голоса в разработке стратегии, управлении и расходовании ресурсов сетевого движения, что может означать нерелевантные или неблагоприятные цели и результаты движения [Nicholls 2009].

При изучении возникновения *экологического дискурса* часто имеют в виду общественные процессы коммуникации и интерпретации фактического положения или неизбежного при нарушении естественного состояния [Castro 2006]. Члены сообщества осознают связь изменений и их агентов с местным сообществом через социальное взаимодействие, общение и отношение к истории и самооценке сообщества. Эти интерпретационные процессы могут способствовать возникновению *дискурса экологической справедливости* или *дискурса местного контроля*, если сообщество устанавливает связь возникающей проблемы с историей дискриминации, осознает свое положение неравенства по отношению к власти

[Gibbs 2002] или невыполнение ожиданий справедливого, то есть демократического, принятия решений о введении изменений [Schlosberg 2004].

В целом можно констатировать, что причины возникновения низового экологического активизма кроются среди таких факторов, как защита идентичности данного места, противодействие вторжению внешних сил, защита своего образа жизни.

Часто низовые экологические движения возникают при столкновении интересов корпораций и местного сообщества, когда государство отдает предпочтение экономическому росту в ущерб окружающей среде местного сообщества.

КОНСОЛИДАЦИЯ СООБЩЕСТВА ВОКРУГ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Для более адекватного описания процессов консолидации сообществ вокруг экологической проблемы была привлечена теория фрейминга [Benford, Snow 2000]. Она позволяла создавать объяснительные конструкции для связи восприятия и эмоций сообщества, связанных с экологической угрозой и поведением в ответ на эту воспринимаемую угрозу. Эти социальные представления (такие как чувство общности и коллективной эффективности) и поведение по устранению угрозы служат смыслообразующими функциями процессам консолидации в сообществе и составляют социальный капитал на индивидуальном поведенческом уровне [Perkins, Hughey, Speer 2002].

Используемый для изучения местных экологических движений *пространственно-фреймовый анализ* представляет собой применение теории фрейминга из социологии социальных движений [Benford, Snow 2000], сфокусированной на материальных и символических измерениях места как основы коллективного, основанного на идентичности активизма. Д. Мартин непосредственно использовал три функции фреймов: мотивационную (характеризующую сообщество как активиста), диагностическую (определяющую проблемы и возлагающую вину) и прогностическую (определяющую решения и действия для их достижения)

[Martin 2003]. Последние две функции наиболее тесно связаны с интерпретацией экологических изменений.

Важнейшим дискурсивным и интерпретирующим процессом в мобилизации местного сообщества в охране окружающей среды является создание общей идентичности, позволяющей преодолеть разнородные экологические ценности и практики. И основным путем к этой общей идентичности является приоритет места над другими социальными идентичностями [Martin 2003].

Исследования, применяющие теорию фрейминга к идентичности с местом, приходят к выводу, что идентичность места в значительной степени вытеснила профессиональную идентичность в результате нелиберальной децентрализации, передачи власти и уменьшения представительства корпоративных групп [Larsen 2008]. Группы с различным социальным и экономическим статусом, проживающие в одном и том же месте, более похожи, чем группы с одинаковым статусом, проживающие в разных местах [Martin 2003]. Еще одним более проработанным источником общей идентичности во фреймовых исследованиях является конфликт с властью и территориальное неравенство по отношению к власти. Согласно этой точке зрения, местное сообщество консолидируется в сопротивлении внешней силе. Местные жители понимают, что они находятся в позиции слабости власти. Это неравенство власти может быть основано на месте проживания. Усиление внешнего давления приводит к усилению общей идентичности [Larsen 2008]. Такой консолидирующий механизм согласуется с точкой зрения В. Гамсона на фрейминг, который имеет элементы несправедливости, свободы воли и идентичности. Для Гамсона идентичность активиста определяется в оппозиции к противнику [Gamson 1992]. Осознание и артикуляция территориального неравенства власти также способствуют формированию чувства несправедливости, которое основано на моральном негодовании: общины хотят жить только так, как им нравится, но подвергаются посягательствам и угрозам со стороны глобализации, государственной бюрократии и жадности корпораций. Результатом является консолидация общины и защита своей среды обитания [Woods 2003].

Таким образом, при использовании для изучения консолидации сообщества теории фрейминга консолидация предстает в виде связей восприятия и эмоций сообщества и поведением его в ответ на воспринимаемую экологическую угрозу. Эти социальные представления (чувство общности и коллективной эффективности) и поведение по устранению угрозы служат смыслообразующими функциями процессов консолидации в сообществе и составляют социальный капитал на индивидуальном поведенческом уровне.

Важнейшим процессом в мобилизации местного сообщества в охране окружающей среды является также создание общей идентичности, основным путем к которой является приоритет места над другими социальными идентичностями. Группы с различным социальным и экономическим статусом, проживающие в одном и том же месте, более похожи, чем группы с одинаковым статусом, проживающие в разных местах.

СВЯЗЬ МЕЖДУ МЕСТНЫМИ ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ДВИЖЕНИЯМИ И ЭКОЛОГИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ БОЛЕЕ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

При изучении связи между местными экологическими движениями и движениями регионального и национального уровня исследователи снова обратили внимание на движения «Not-In-My-Backyard» — «Не в моем заднем дворе» (NIMBY). С децентрализацией управления и делегирования части властных функций местным сообществам активность NIMBY стала рассматриваться как демократия на низовом уровне и расширение прав и возможностей сообществ [Schively 2007]. Такого рода движения стали со временем объединять местные сообщества в защите от общих угроз («не в чьем-либо заднем дворе»). Освободительный потенциал таких действий заключался в том, что их цели обеспечивали свободу сообществ от экологических угроз и несправедливого давления. Расширение общественной активности могло также обеспечивать свободу контроля окружающей среды и местное развитие, защищать желаемый образ жизни. Такая экспансия выше местного уровня выражалась в повышении осведомленности о причинах

проблем, солидарности и общей идентичности с другими общинами, появлением социальных сетей для увеличения организационных возможностей [Schively 2007].

Исследователи выделяют несколько сценариев перехода от местного экологического активизма к общественному движению.

Первый сценарий — это политическая экспансия. Преодоление локального необходимо, потому что вопрос должен быть политизирован и решен на уровне национальной политики, превращен из рутинного спора планирования (когда местные жители противостоят экспертам и бюрократам) в высокий политический вопрос [Rootes 2013]. Местные активисты пытаются представить угрозу, с которой они сталкиваются, как повсеместную и универсальную, чтобы привлечь внимание общественности и включить ее в политическую повестку дня [Johnson, Frickel 2011]. Проблемы, стоящие на национальной политической повестке дня, могут быть рассмотрены общенациональными организациями экологического движения (ЕМОs). Другим путем оказания давления на уровень национальной политики является создание сетей и коалиций групп с аналогичными требованиями и координация национальных или региональных действий по решению проблем [Rootes 2007, Mix 2011]. В политической экспансии такая работа очень важна для общения с широкой публикой. Не только для того, чтобы обозначить проблему как публичную, но и для того, чтобы представить задачу ее решения как справедливую и законную. Роль региональных и национальных (ЕМОs) также имеет решающее значение как посредников между местным и национальным масштабами и как «экспертов» в пропаганде экологической политики [Saunders 2007]. Работа местных и национальных организаций может быть взаимодополняющей в рамках разделения труда в процессе разработки политики, когда местные активисты выделяют проблему, которую общенациональная организация затем представляет на политическом уровне [Rootes 2007].

Второй сценарий, описанный в литературе по низовым экологическим движениям, — расширение движения на низовом уровне. Возникающие местные сообщества, которые формулируют свои проблемы в терминах неравенства, власти и экологической

справедливости, узнают друг о друге и объединяются в сеть [Schlosberg 1999]. Поскольку справедливость является объединяющей основой, экологические проблемы сообществ могут быть разными. Никакие зонтичные или информационно-пропагандистские организации в этом случае не нужны. Часто используется центр обработки данных как платформа для обмена опытом и подключения местных активистов. Расширение сообщества происходит за счет мобилизации новых групп и их взаимодействия для обучения и консультаций. В то же время каждая группа поддерживает полный локальный контроль над своей стратегией и действиями [Brulle, Pellow 2006]. Такое движение представляет собой сеть мест, в которой местные организации являются филиалами, принимающими аналогичные дискурсы, претензии и тактику, но не следующие общей стратегии или указаниям организаций общественного движения. Связи солидарности и идентификации сильны, но нехватка ресурсов и разрозненность проблем и сроков не позволяют создать прочные связи и структуру между организациями [Nicholls 2009].

Расширение движения в варианте *культурной экспансии* происходит в виде связей между сообществом и внешним миром, основанных на осознании крупных проблем и идентичности. Это расширение лучше всего соответствует взглядам парадигмы новых социальных движений (NSM), когда влияние политики и национальные организации не имеют значения. Вместо этого группы разделяют оппозиционную идентичность и желание создать альтернативные бюрократической рациональности способы жизни [Buechler 1995]. Местный экологический активизм NSM необязательно должен иметь общую цель, план или действия. Такие группы стремятся остаться в одиночестве, определить и построить собственную идентичность и жизнь, альтернативную и противоречащую навязываемым извне нормам [Larsen 2008].

В целом можно сделать вывод, что при достижении определенного уровня развития и увеличения их количества низовые экологические движения стремятся к установлению как горизонтальных связей между собой, так и вертикальных с региональными и национальными экологическими движениями и организациями.

При этом могут использоваться как сценарий «политической экспансии» — установление связей с экологическими организациями более высокого уровня для политизации проблемы и привлечения к ней внимания широкой общественности, так и сценарий расширения на низовом уровне, когда движения объединяются в сети для обмена опытом, объединения ресурсов, а также презентуя свои проблемы перед внешним миром. В тех или иных случаях оба этих сценария могут использоваться одновременно в различном сочетании.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. Изучение низовых экологических движений развивалось вместе с этими движениями, изменяя свою теоретическую и методологическую базу как с появлением новых форм движений, так и с развитием теоретического багажа, используемого для изучения этих движений.

2. Основными теоретическими концепциями изучения низовых экологических движений являются концепции, применяемые в социологии общественных движений.

В 1970–1980-х годах наиболее популярным подходом была теория мобилизации ресурсов, при помощи которой изучались стратегия и тактика движений, факторы роста и упадка движений, институциональные и внеинституциональные формы коллективных действий, ресурсы, привлекаемые движением (людские, финансовые, территориальные, информационные). Использовалась также методология «Grounded theory» — это описательные исследования, изучающие состав участников движения, экологические проблемы, представления участников движения о причинах их бедствий и путях выхода из ситуации.

Начиная с 1990-х годов для изучения низовых экологических движений все чаще стала использоваться парадигма новых общественных движений, в рамках которой изучались ценности участников движений, идентичность, структуры повседневной жизни, культура.

С 2000-х годов для изучения низовых экологических движений стала привлекаться теория фрейминга, которая позволяла объяснять представления и эмоции участников движений в связи с экологическими угрозами, поведение участников движений, консолидацию протестов. Кроме того, использовался пространственно-фреймовый анализ, фокусирующийся на материальных и символических измерениях места как базы для коллективного, основанного на идентичности активизма.

3. Экологические движения в целом и низовые экологические инициативы в частности имеют определенные отличия от других общественных движений.

Во-первых, экологические движения имеют широкую социальную базу, так как экологические проблемы могут угрожать всем слоям населения, независимо от их социального статуса.

Во-вторых, экологические движения, по сравнению с другими общественными движениями, показывают высокую устойчивость и способность к расширению вплоть до международного уровня. Этому прежде всего способствует нерешенность проблемы ухудшения окружающей среды в мире в целом.

В-третьих, низовые экологические движения стараются сохранять автономию от «больших» национальных и международных движений.

В-четвертых, низовые экологические движения начали образовываться как локальные, так и более широкие объединения сетевого характера, причем некоторые из них приобрели международный характер. Это связано с тем, что часто локальные экологические проблемы невозможно решить на местном уровне.

4. Существует взаимосвязь между решением экологических проблем и решением проблемы социального неравенства. Низовые экологические движения становятся при этом составной частью движений за социальную справедливость.

5. Низовые экологические движения служат базой для демократии на низовом уровне, являясь «школой» гражданской активности.

6. В 2000-х года также наметилась тенденция к консолидации низовых общественных движений. С одной стороны, они стали

больше сотрудничать с национальными и международными экологическими организациями, часто являясь низовым уровнем для появления новых национальных и международных движений. С другой стороны, стали создавать низовые сети, которые действуют на региональном уровне и помогают низовым экологическим движениям более эффективно бороться с возникающими экологическими угрозами, а также с давлением государства и корпораций.

7. Можно провести параллели с появлением низовых экологических движений за рубежом и в России. Сегодня большинство низовых экологических инициатив в России можно отнести к категории движений «Не в моём заднем дворе». Это движения против уплотнительной застройки, за сохранение зеленых зон и парков в городах. Примерами таких движений могут служить движения в защиту парков «Дубки» и «Торфяновка» в Москве, «Удельного парка» и «Парка 300-летия» в Санкт-Петербурге, движение в защиту «Химкинского леса». Кроме того, возникают и движения, которые носят характер движений за экологическую справедливость, примерами такого движения является движение в г. Волоколамске за закрытие мусорного полигона и «мусорные бунты» в других городах России. В России появились и сетевые объединения низовых экологических движений, что во многом связано с широким распространением социальных сетей. Одним из примеров такого объединения является «Зеленая коалиция Петербурга» в социальной сети «ВКонтакте», включающая в себя 41 инициативную группу по защите зеленых насаждений в Санкт-Петербурге.

Литература и источники

Волков Д., Колесников А. Самоорганизация гражданского общества в Москве. Мотивы, возможности и пределы политизации / Московский центр Карнеги. URL: <https://www.carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437> (дата обращения: 14.12.2016).

Давыдова А., Каминская М. От сложностей — к возможностям. Новые тенденции в российском и международном природоохранном движении. // Экология и право. 2017. №1. С. 8–9.

Дьяконов В. Государство с нуля. Делай Сам/а: практики низовых гражданских инициатив. М.: Перо, 2017.

Казенин К.И., Королева М.Н. Социология общественных движений — основные подходы. М.: РАНХиГС, 2018.

Краснова О.Н. Инициатива гражданская. // Новая философская энциклопедия: в 4 т.: М.: Мысль, 2010. Интернет-версия издания. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH21229a534112eabfb76221> (дата обращения: 20.11.18).

Прокопенко Ю.И. Риски России: экология и здоровье. Екатеринбург: Издательские решения, 2015.

Тагаева Т.О., Гильмундинов В.М., Казанцева Л.К. Экологическая ситуация и природоохранная политика в регионах России // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 1. С. 78–92.

Тулаева С., Тысячнюк М., Хенри Л.А. Стратегии экологических НПО в контексте принятия Закона об иностранных агентах: игры с формальностью // *Laboratorium*. 2017. № 9. С. 18–43.

Турен А. Возвращение человека действующего. М.: Научный мир, 1998.

Усов Е.И. Экоактивисты подвели неутешительные итоги Года экологии. URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/60868/?utm_source=smm&utm_medium=fb&utm_campaign=other&utm_content=news_1212_badbadbad (дата обращения: 11.12.2017).

Халий И.А. Зеленое движение в России в конце XX века // Россия в окружающем мире: 2000: аналитический ежегодник / под ред. Н.Н. Моисеева, С.А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2000. URL: <http://rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000> (дата обращения 19.11.18).

Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 4. С. 128–140.

Aldon D. Morris A., McClurg C.M. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Almeida P., Stearns L.B. Political opportunities and local grassroots environmental movements: The case of Minamata // *Social Problems*. 1988. Vol. 45, № 1. P. 37–60.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism // *Mobilization*. 2005. Vol. 10, № 2. P. 213–234.

Andrews K.T., Caren N. Making the news: Movement organizations, media attention, and the public agenda // *American Sociological Review*. 2010. Vol. 75, № 6. P. 841–866.

Benford R.D., Snow D.A. Framing processes and social movements: An overview and assessment // *Annual Review of Sociology*. 2000. Vol. 26. P. 611–639.

Brenner N., Theodore N. Cities and the geographies of actually existing neoliberalism // *Antipode*. 2002. Vol. 34, № 3. P. 349–379.

Brulle R.J., Pellow D.N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities // *Annual Review of Public Health*. 2006. Vol. 27. P. 103–124.

Buechler S.M. New social movement theories // *Sociological Quarterly*. 1995. Vol. 36, № 3. P. 441–464.

Čapek S.M. The “Environmental Justice” frame: A conceptual discussion and an application // *Social Problems*. 1993. Vol. 40, № 1. P. 5–24.

Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations // *Social Problems*. 1993. Vol. 40, № 4. P. 464–477.

Castells M. *City, Class and Power*. New York: St Martin's Press, 1978.

Castells M. *The City and the Grassroots*. London: Edward Arnold, 1983.

Castro P. Applying Social Psychology to the Study of Environmental Concern and Environmental Worldviews: Contributions from the Social Representations Approach // *Journal of Community Applied Social Psychology*. 2006. Vol. 16, № 4. P. 247–266.

Charmaz K. Loss of self: a fundamental form of suffering in the chronically ill // *Sociology of Health and Illness*. 1983. Vol. 5, № 2. P. 168–95.

Devine-Wright P. Rethinking NIMBYism // *Journal of Community Applied Social Psychology*. 2009. Vol. 19, № 6. P. 426–441.

Dunlap R.E., Mertig A.G. The Evolution of the U.S. Environmental Movement from 1970 to 1990: An Overview, American Environmentalism: The U.S. Environmental Movement, 1970–1990 / Ed. by R.E. Dunlap, A.G. Mertig. Washington D.C.: Taylor and Francis, 1992. P. 209–217.

Dunlap, R. E., Gale R. P. Politics and ecology: A political profile of student eco-activists // *Youth and Society*. 1972. Vol. 3, № 4. P. 379–397.

Emerson R.M. *Contemporary field research: a collection of readings*. Boston: Little, Brown, 1983.

Ekins P. *A new world order grassroots movements for global change*. L.; N.Y.: Routledge, 1992.

Freudenberg N., Steinsapir C. Not in our backyards: The grassroots environmental movement // *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4, № 3. P. 235–245.

Gale R. P. Social movements and the state: The environmental movement, countermovement, and government agencies // *Sociological Perspectives*. 1986. Vol. 29, № 2. P. 202–240.

Gamson W.A. Talking Politics. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

Gibbs L. Citizen activism for environmental health: The growth of a powerful new grassroots health movement // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2002. Vol. 584, № 1. P. 97–109.

Glaser B.G., Strauss A.L. The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research, Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.

Gove P.B. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Cambridge, Massachusetts: Riverside Press, 1961.

Hays, S. P. Beauty, health, and permanence: Environmental politics in the United States, 1955–1985. N.Y.: Cambridge University Press, 1987.

Homer-Dixon T.F., Boutwell J.H., Rathjens G.W. Environmental Change and Violent Conflict // *Scientific American*. 1993. № 2. P. 38–45.

Johnson E. W., Frickel S. Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998 // *Social Problems*, 2011. Vol. 58, № 3. P. 305–329.

Kitts J.A. Not in our backyard: Solidarity, social networks, and the ecology of environmental mobilization // *Sociological Inquiry*. 1999. Vol. 69, № 4. 551–574.

Larsen S.C. Place making, grassroots organizing, and rural protest: A case study of Anaheim Lake, British Columbia // *Journal of Rural Studies*. 2008. Vol. 24, № 2. P. 172–181.

Lipschutz R.D., Conca K. The State and Social Power in Global Environmental Politics. N. Y.: Columbia University Press, 1993.

Manes, C. Green rage: Radical environmentalism and the unmaking of civilization. Boston: Little, Brown, 1990.

McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social Movements / ed. by in Neil Smelser. Handbook of Sociology, Beverly Hills, CA: Sage, 1988.

Martin D. 'Place-framing' as place-making: Constituting a neighborhood for organizing and activism // *Annals of the Association of American Geographers*. 2003. Vol. 93, № 3. P. 730–750.

Mauss A.L. Social problems as social movements. Philadelphia: J. B. Lippincott, 1975.

Mauss A. L. Beyond the illusion of social problems theory // *Perspectives on Social Problems*, 1989. Vol. 1. P. 19–39.

Melucci A. The new social movements: a theoretical approach // *Social Science Information*. 1980. Vol. 19, № 2. P. 199–226.

Melucci A. An end to social movements? Introductory paper to the sessions on “new movements and change in organizational forms” // *Social Science Information*. 1984. Vol. 23, № 4–5. P. 819–835.

Melucci A. The symbolic Challenge of Contemporary Movements // *Social Research*. 1985. Vol. 52, № 4. P. 789–816.

Melucci A. *Nomad of the Present*. Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Melucci A. Paradoxes of Post-Industrial Democracy: Everyday Life and Social Movements // *Berkley Journal of Sociology*. 1993–1994. Vol. 38. P. 185–192.

Mitchell R. C. From conservation to environment movement: The development of the modern environmental lobbies. In *Government and Environment Politics* / ed. M. J. Lacey. Washington, DC: Wilson Center Press, 1989. P. 81–113.

Mitchell R. C., Mertig A.G., Dunlap R. E. Twenty Years of Environmental Mobilization: Trends among National Environmental Organizations // *Society and Natural Resources*. 1991. Vol. 4, № 3. P. 219–234.

Mix T.L. Rally the people: Building local-environmental justice grassroots coalitions and enhancing social capital // *Sociological Inquiry*. 2011. Vol. 81, № 2. P. 174–194.

Morris A.D., McClurg Mueller C. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Nicholls W. Place, networks, space: Theorizing the geographies of social movements // *Transaction Institute British Geography*. 2009. Vol. 34, № 1. P. 78–93.

Oates D. *Earth rising: Ecological belief in an age of science*. Corvallis: Oregon State University Press. 1989.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics // *Social Research: An International Quarterly*. 1985. Vol. 52, № 4. P. 817–868.

Perkins D.D., Hughey J., Speer P.W. Community psychology perspectives on social capital theory and community development practice // *Journal of the Community Development Society*. 2002. Vol. 33, № 1. P. 35–52.

Rootes C. Acting locally: The character, contexts and significance of local environmental mobilizations // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 722–741.

Rootes C. From local conflict to national issue: When and how environmental campaigns succeed in transcending the local // *Environmental Politics*. 2013. Vol. 22, № 1. P. 95–114.

Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk // *Journal of Risk Research*. 2012. Vol. 15, № 1. P. 1299–1317.

Saunders C. The local and the national: relationships between national and local environmental movement organisations in London // *Environmental Politics*. 2007. Vol. 16, № 5. P. 742–764.

Schlosberg D. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement // *Environmental Politics*. 1999. Vol. 8, № 1. P. 122–148.

Schlosberg D. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories // *Environmental Politics*. 2004. Vol. 13, № 3. P. 517–540.

Schively C. Understanding the NIMBY and LULU Phenomena: Reassessing Our Knowledge Base and Informing Future Research // *Journal of Planning Literature*. 2007. Vol. 21, № 3. P. 255–266.

Sherman D.J. Disruption or convention? A process-based explanation of divergent repertoires of contention among opponents to low-level radioactive waste disposal sites // *Social Movement Studies*. 2008. Vol. 7, № 3. P. 265–280.

Stretesky P.B., Huss S., Lynch M.J., Zahran S., Childs B. The Founding of Environmental Justice Organizations across U.S. Counties during the 1990s and 2000s: Civil Rights and Environmental Cross-Movement Effects // *Social Problems*. 2011. Vol. 58, № 3. P. 330–360.

Taylor B. The global emergence of popular ecological resistance, Ecological Resistance Movement. The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism. Albany: State University of N.Y. Press, 1995.

Taylor D.E. The rise of the Environmental Justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses // *American Behavior Science*. 2000. Vol. 43, № 4. P. 508–580.

Woods M. Deconstructing rural protest: The emergence of a new social movement // *Journal of Rural Studies*. 2003. Vol. 19, № 3. P. 309–325.

THE STUDY OF GRASSROOTS ENVIRONMENTAL MOVEMENTS: THE HISTORY, THEORETICAL APPROACHES, METHODOLOGY

A. Mishchenko

Abstract. *the Article analyzes the history of the study of grassroots environmental movements abroad. The relevance of the study of the experience of foreign studies of such movements for Russian science is that currently in Russia the environmental situation has worsened due to the fact that the country has formed a group of interests, ready to make a profit at the expense of environmental conservation. Countries in Western Europe, the United States and Japan in the early 60-ies also experienced an acute environmental crisis. The way out of this crisis became possible due to the wide development of the ecological movement, first of all, at the grass-roots level. The article attempts to analyze the history of the study of grassroots environmental movements in developed countries. Various theoretical approaches to the study of such movements are considered. The characteristics and features of movements identified by various foreign researchers in the process of their study are described. Parallels are drawn between the types of grassroots environmental movements formed abroad and the movements emerging in Russia.*

Keywords: *grass-roots community initiatives, social movements, the environmental movement, resource mobilization, political opportunities, theories of social movements, the space-frame analysis, environmental discourse, the social network of the environmental movement.*

References

Aldon D. Morris A., McClurg C.M. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Almeida P., Stearns L.B. Political opportunities and local grassroots environmental movements: The case of Minamata, *Social Problems*, 1988, 45, (1), pp. 37–60.

Andrews K., Edwards B. The Organizational Structure of Local Environmentalism, *Mobilization*, 2005, 10 (2), pp. 213–234.

Andrews K.T., Caren N. Making the news: Movement organizations, media attention, and the public agenda, *American Sociological Review*, 2010, 75 (6), pp. 841–866.

Benford R.D., Snow D.A. Framing processes and social movements: An overview and assessment, *Annual Review of Sociology*, 2000, 26, pp. 611–639.

Brenner N., Theodore N. Cities and the geographies of actually existing neoliberalism, *Antipode*, 2002, 34 (3), pp. 349–379.

Brulle R.J., Pellow D.N. Environmental Justice: Human Health and Environmental Inequalities, *Annual Review of Public Health*, 2006, 27, pp. 103–124.

Buechler S.M. New social movement theories, *Sociological Quarterly*, 1995, 36 (3), pp. 441–464.

Čapek S.M. The “Environmental Justice” frame: A conceptual discussion and an application, *Social Problems*, 1993, 40 (1), pp. 5–24.

Cable S., Benson M. Acting locally: Environmental injustice and the emergence of grass-roots environmental organizations, *Social Problems*, 1993, 40 (4), pp. 464–477.

Castells M. *City, Class and Power*. New York: St Martin's Press, 1978.

Castells M. *The City and the Grassroots*. London: Edward Arnold, 1983.

Castro P. Applying Social Psychology to the Study of Environmental Concern and Environmental Worldviews: Contributions from the Social Representations Approach, *Journal of Community Applied Social Psychology*, 2006, 16 (4), pp. 247–266.

Charmaz K. Loss of self: a fundamental form of suffering in the chronically ill, *Sociology of Health and Illness*, 1983, 5 (2) pp. 168–95.

Davydova A., Kaminskaya M. Ot slozhnostey — k vozmozhnostyam. Novyye tendentsii v rossiyskom i mezhdunarodnom prirodoohrannom dvizhenii [From difficulties to opportunities. New trends in the Russian and international environmental movement], *Ekologiya i pravo [Ecology and law]*, 2017, 1, pp. 8–9. (In Russian)

Devine-Wright P. Rethinking NIMBYism, *Journal of Community Applied Social Psychology*, 2009, 19 (6), pp. 426–441.

Dunlap R.E., Mertig A.G. The Evolution of the U.S. Environmental Movement from 1970 to 1990: An Overview, *American Environmentalism: The U.S. Environmental Movement, 1970–1990*. Ed. by R.E. Dunlap, A.G. Mertig. Washington D.C.: Taylor and Francis, 1992, pp. 209–217.

Dunlap, R. E., and R. P. Gale. 1972. Politics and ecology: A political profile of student eco-activists, *Youth and Society*, 1972, 3 (4), pp. 379–397.

Dyakonov V. *Gosudarstvo s nulya. Delay Sam/a: praktiki nizovyih grazhdanskikh initsiativ* [State from scratch. Do It yourself/a: practices of grassroots civic initiatives]. Moscow: Perot, 2017. (In Russian)

Emerson R.M. *Contemporary field research: a collection of readings*. Boston: Little, Brown, 1983.

Ekins P. *A new world order grassroots movements for global change*. London: New York: Routledge, 1992.

Freudenberg N., Steinsapir C. Not in our backyards: The grassroots environmental movement, *Society and Natural Resources*, 1991, 4 (3), pp. 235–245.

Gale R. P. Social movements and the state: The environmental movement, countermovement, and government agencies, *Sociological Perspectives*, 1986, 29 (2), pp. 202–240.

Gamson W.A. *Talking Politics*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992.

Gibbs L. Citizen activism for environmental health: The growth of a powerful new grassroots health movement, *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2002, 584 (1), pp. 97–109.

Glaser B.G., Strauss A.L. *The Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research*. Chicago: Aldine Publishing Company, 1967.

Gove P.B. Webster's Third New International Dictionary of the English Language, Unabridged. Cambridge, Massachusetts: Riverside Press, 1961.

Haliy I.A. Zelyonoe dvizhenie v Rossii v kontse XX veka [Green movement in Russia at the end of XX century]. In: *Rossiya v okruzhayuschem mire: 2000 (Analiticheskiy ezhegodnik)* [Russia in the world: 2000 (Analytical Yearbook)]. Ed. by: N. N. Moiseeva, S. A. Stepanova]. Moscow: Izd-vo MNEPU [Publishing house MNEPU], 2000. URL: <http://rus-stat.ru/index.php?vid=1&year=2000> (available: 19.11.18). (In Russian)

Hays, S. P. *Beauty, health, and permanence: Environmental politics in the United States, 1955–1985*. New York: Cambridge University Press, 1987.

Homer-Dixon T.F, Boutwell J.H, Rathjens G.W. Environmental Change and Violent Conflict, *Scientific American*, 1993, 2, pp. 38–45.

Johnson E.W., Frickel S. Ecological Threat and the Founding of U.S. National Environmental Movement Organizations, 1962–1998, *Social Problems*, 2011, 58 (3), pp. 305–329.

Kazenin K.I., Koroleva M.N. *Sotsiologiya obschestvennykh dvizheniy — osnovnyie podhodyi* [The sociology of social movements — the main approaches]. Moscow: RANHIGS [Russian Academy of national economy], 2018. (In Russian)

Kitts J.A. Not in our backyard: Solidarity, social networks, and the ecology of environmental mobilization, *Sociological Inquiry*, 1999, 69, pp. 551–574.

Krasnova O.N. Initsiativa grazhdanskaya [Civil Initiative]. In: *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New philosophical encyclopedia], in 4 vols. Moscow: Myisl, 2010. Internet version of the publication. URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH21229a534112eabfb76221> (available: 20.11.18). (In Russian)

Larsen S.C. Place making, grassroots organizing, and rural protest: A case study of Anaheim Lake, British Columbia, *Journal of Rural Studies*, 2008, 24 (2), pp. 172–181.

Lipschutz R.D., Conca K. *The State and Social Power in Global Environmental Politics*. New York: Columbia University Press, 1993.

Manes C. *Green rage: Radical environmentalism and the unmaking of civilization*. Boston: Little, Brown, 1990.

McAdam D., McCarthy J., Zald M. Social Movements. In: *Handbook of Sociology*. Ed. by in N. Smelser. Beverly Hills, CA: Sage, 1988.

Martin D. 'Place-framing' as place-making: Constituting a neighborhood for organizing and activism, *Annals of the Association of American Geographers*, 2003, 93 (3), pp. 730–750.

Mauss A. L. *Social problems as social movements*. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1975.

Mauss A. L. Beyond the illusion of social problems theory, *Perspectives on Social Problems*, 1989, 1, pp. 19–39.

Melucci A. The new social movements: a theoretical approach, *Social Science Information*, 1980, 19 (2), pp. 199–226.

Melucci A. An end to social movements? Introductory paper to the sessions on "new movements and change in organizational forms", *Social Science Information*, 1984, 23 (4–5), pp. 819–835.

Melucci A. The symbolic Challenge of Contemporary Movements, *Social Research*, 1985, 52 (4), pp. 789–816.

Melucci A. *Nomad of the Present*. Philadelphia: Temple University Press, 1989.

Melucci A. Paradoxes of Post-Industrial Democracy: Everyday Life and Social Movements, *Berkley Journal of Sociology*, 1993–1994, 38, pp. 185–192.

Mitchell R. C. From conservation to environment movement: The development of the modern environmental lobbies. In: *Government and Environment Politics*. Ed. M. J. Lacey. Washington, DC: Wilson Center Press, 1989, pp. 81–113.

Mitchell R. C., Mertig A.G., Dunlap R. E. Twenty Years of Environmental Mobilization: Trends among National Environmental Organizations, *Society and Natural Resources*, 1991, 4 (3), pp. 219–234.

Mix T.L. Rally the people: Building local-environmental justice grassroots coalitions and enhancing social capital, *Sociological Inquiry*, 2011, 81 (2), pp. 174–194.

Morris A.D., McClurg Mueller C. *Frontiers in Social Movement Theory*. New Haven: Yale University Press, 1992.

Nicholls W. Place, networks, space: Theorizing the geographies of social movements, *Transaction Institute British Geography*, 2009, 34 (1), pp. 78–93.

Oates D. *Earth rising: Ecological belief in an age of science*. Corvallis: Oregon State University Press, 1989.

Offe C. New Social Movements: Challenging the Boundaries of Institutional Politics, *Social Research: An International Quarterly*, 1985, 52 (4), pp. 817–868.

Perkins D.D., Hughey J., Speer P.W. Community psychology perspectives on social capital theory and community development practice, *Journal of the Community Development Society*, 2002, 33 (1), pp. 35–52.

Prokopenko Yu.I. *Riski Rossii: ekologiya i zdorove* [Risks of Russia: ecology and health]. Ekaterinburg: Izdatelskie resheniya, 2015. (In Russian).

Rootes C. Acting locally: The character, contexts and significance of local environmental mobilizations, *Environmental Politics*, 2007, 16 (5), pp. 722–741.

Rootes C. From local conflict to national issue: When and how environmental campaigns succeed in transcending the local, *Environmental Politics*, 2013, 22 (1), pp. 95–114.

Saitta P. History, space, and power: Theoretical and methodological problems in the research on areas at (industrial) risk, *Journal of Risk Research*, 2012, 15 (1), pp. 1299–1317.

Saunders C. The local and the national: relationships between national and local environmental movement organisations in London, *Environmental Politics*, 2007, 16 (5), pp. 742–764.

Schlosberg D. Networks and Mobile Arrangements: Organizational Innovation in the US Environmental Justice Movement, *Environmental Politics*, 1999, 8 (1), pp. 122–148.

Schlosberg D. Preconceiving Environmental Justice: Global Movements and Political Theories, *Environmental Politics*, 2004, 13 (3), pp. 517–540.

Schively C. Understanding the NIMBY and LULU Phenomena: Reassessing Our Knowledge Base and Informing Future Research, *Journal of Planning Literature*, 2007, 21 (3), pp. 255–266.

Sherman D.J. Disruption or convention? A process-based explanation of divergent repertoires of contention among opponents to low-level radioactive waste disposal sites, *Social Movement Studies*, 2008, 7 (3), pp. 265–280.

Stretesky P.B., Huss S., Lynch M.J., Zahran S., Childs B. The Founding of Environmental Justice Organizations across U.S. Counties during the 1990s and 2000s: Civil Rights and Environmental Cross-Movement Effects, *Social Problems*, 2011, 58 (3), pp. 330–360.

Tagaeva T.O., Gilmundinov V.M., Kazantseva L.K. Ekologicheskaya situatsiya i prirodohrannaya politika v regionah Rossii [Environmental situation and environmental policy in the regions of Russia], *Ekonomika regiona [Regional economy]*, 2016, 12 (1), pp. 78–92. (In Russian)

Taylor B. *The global emergence of popular ecological resistance, Ecological Resistance Movement. The Global Emergence of Radical and Popular Environmentalism*. Albany: State University of N.Y. Press, 1995.

Taylor D.E. The rise of the Environmental Justice paradigm: Injustice framing and the social construction of environmental discourses, *American Behavior Science*, 2000, 43 (4), pp. 508–580.

Tulaeva S., Tyisyachnyuk M., Henri L.A. Strategii ekologicheskikh NPO v kontekste prinyatiya Zakona ob inostrannykh agentah: igryi s formalnostyu [Strategies of environmental NGOs in the context of the adoption of the Law on foreign agents: games with formality], *Laboratorium [Laboratory]*, 2017, pp. 18–43. (In Russian)

Turen A. *Vozvraschenie cheloveka deystvuyushego* [The return of the current man]. Moscow: Nauchnyy mir, 1998. (In Russian)

Usov E.I. *Ekoaktivisty podveli neuteshitelnyie itogi Goda ekologii* [Eco-Activists summed up the disappointing results of the year of ecology]. URL: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/blogs/green-planet/blog/60868/?utm_source=smm&utm_medium=fb&utm_campaign=other&utm_content=news_1212_badbadbad (available: 11.12.2017). (In Russian)

Volkov D., Kolesnikov A. *Samoorganizatsiya grazhdanskogo obschestva v Moskve. Motivyi, vozmozhnosti i predelyi politizatsii* [Self-organization of civil society in Moscow. Motives, possibilities and limits of politicization] / Moskovskiy tsentr Karnegi. [Moscow Carnegie center]. URL: <https://www.carnegie.ru/2016/12/14/ru-pub-66437> (available: 14.12.2016). (In Russian)

Woods M. Deconstructing rural protest: The emergence of a new social movement, *Journal of Rural Studies*, 2003, 19 (3), pp. 309–325.

Yagodka N.N. Grazhdanskie initsiativy, kak instrument dialoga mezhdru vlastyu i grazhdanskim obschestvom v Rossii [Civil initiatives as a tool of dialogue between the government and civil society in Russia], *Vestnik RUDN, seriya Politologiya [Bulletin of the RUDN, Series Political Science]*, 2015, 4, pp. 128–140. (In Russian)